

УДК 81`27

DOI:

МИФОЛОГО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ВОЛАНД» В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА М.А. БУЛГАКОВА

Казорина Анна Владимировна

Педагогический институт Иркутского государственного университета
(г. Иркутск, Россия)

Аннотация

Цель статьи: описать мифолого-символический образ Воланда, созданный в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Решаемая задача – определить основной набор признаков мифонима и их роли в формировании индивидуально-авторской картины мира. Предметом изучения являются языковые конструкции, в которых актуализируются хтонические и космогонические начала мифонима «Воланд» в романе «Мастер и Маргарита». Актуальность данного исследования связана с особым интересом современных лингвистических изысканий в пространстве антропоцентрической парадигмы к особенностям формирования индивидуально-авторской картины мира, воплощенной в последовательности языковых знаков и отражающей когнитивные процессы мыслящего субъекта. Как показал анализ историко-этимологических словарей, основными признаками Воланда в романе М.А. Булгакова становятся теоморфные признаки, которые сближают образ героя с образами языческих богов. Лингвокультурологический код Воланда реализует мифы и символы не только языческих представлений европейских народов, но и христианства.

Ключевые слова: концепт, теоморфный код, коды лингвокультуры, индивидуально-авторская картина мира, лингвокультурология, М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», Воланд.

MYTHOLOGICAL-SYMBOLIC SIGNS OF THE CONCEPT "WOLAND" IN M.A. BULGAKOV'S INDIVIDUAL-AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD

Kazorina Anna Vladimirovna

Pedagogical Institute of Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia)

Abstract

The aim of the article is to describe the mythological-symbolic image of Woland created in M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The task to be solved is to determine the main set of features of the mythonym and their role in the formation of the individual-author's picture of the world. The subject of the study is the linguistic constructions in which the chthonic and cosmogonic beginnings of the mythonym "Woland" in the novel "The Master and Margarita" are actualized. The relevance of this study is connected with the special interest of modern linguistic research in the space of anthropocentric paradigm to the peculiarities of formation of individual-author's picture of the world, embodied in the sequence of language signs and reflecting the cognitive processes of the thinking subject. As the analysis of historical and etymological dictionaries has shown, the main signs of Woland in M.A. Bulgakov's novel are theomorphic signs that bring the hero's image closer to the images of pagan gods. Woland's linguocultural code realizes myths and symbols not only of pagan representations of European peoples, but also of Christianity.

Key words: concept, theomorphic code, codes of linguoculture, individual-author's picture of the world, linguoculturology, M.A. Bulgakov, "The Master and Margarita", Woland.

Введение

Актуальность данного исследования связана с особым интересом современных лингвистических изысканий в пространстве антропоцентрической парадигмы к особенностям формирования индивидуально-авторской картины мира, воплощенной в последовательности языковых знаков и отражающей когнитивные процессы мыслящего субъекта.

Цель исследования – рассмотрение мифолого-символических признаков концепта «Воланд» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их реализации в художественном мире произведения.

Материал и методы

Объектом исследования настоящей статьи стал концепт «Воланд» в романе «Мастер и Маргарита» и система связанных с ним мифолого-символических признаков как элемента воплощения индивидуально-авторской картины мира.

Языковой материал был собран методом создания конкорданса на основе онима «Воланд» и слов, с ним связанных, из текста романа «Мастер и Маргарита» с использованием инструментария мультиплатформенного средства лингвостатистического анализа текста AntCont. Ведущим методом был описательный в единстве приемов анализа, синтеза и обобщения с применением методов логических построений и контекстного анализа, а также сравнительно-сопоставительный, историко-этимологический и концептуальный методы.

Новизна исследования обусловлена тем, что творчество М.А. Булгакова не рассматривалось системно в филологической науке в аспекте концептуальных исследований.

Литературный обзор

Современные филологические исследования ориентированы на антропоцентрическую парадигму, что подтверждают труды В. Фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, а также отечественных ученых: Н.Д. Арутюновой, С.Г. Воркачева, В.Н. Телия, А.В. Кравченко, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.А. Масловой, М.В. Пименовой и др. Антропоцентрическая парадигма, в свою очередь, предполагает трансдисциплинарный подход к изучению языка. Сегодня научные изыскания осуществляются в связи с другими науками: философией, литературоведением, психологией, нейрофизиологией, психологией и др. В центре внимания современных лингвистических исследований находится языковая картина мира, описание роли языка в процессе категоризации и концептуализации осмысления мира [Кубрякова: 4–5]. Под языковой картиной мира мы понимаем «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [Пименова 1998: 10]. Фрагментами языковой картины являются концепты – ментальные образования, актуализирующие в языке когнитивные признаки. Концептуальные исследования направлены на изучение механизмов формирования ментальных образований, компонентов их структуры, объективации репрезентантов в языке. Сегодня концептуальные исследования находятся в сфере внимания нескольких научных школ, различающихся взглядами на концепт и его структурные компоненты. Методологическую основу представленного исследования составляют изыскания Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований и

научный подход, разработанный проф. М.В. Пименовой [Маслова, Пименова 2016; Пименова 2013; Пименова 2017; Пименова 2004].

Под концептом в указанных исследованиях понимается «единица концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в нем заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» [Пименова 2004: 9].

Концептуальные исследования художественного произведения ориентированы на изучение функционирования художественного слова-концепта в тексте. Отличительная черта концепта в контексте произведения – эстетизм: «Художественный концепт, выступая элементом этой системы, вместе с другими ее элементами подчинен общему эстетическому заданию текста. В связи с этим возникают новые смыслы, сообщающие художественному концепту дополнительную смысловую нагрузку» [Габдуллина 2003: 19]. Для художественного концепта характерны следующие свойства: отсутствие жесткой связи с реальностью, функция замещения, индивидуальность, динамизм по отношению к потенциальному образу, независимость от законов логики, образность и эстетизм [Манукян 2021: 41].

Сумма всех концептов, использованных автором в тексте художественного произведения и составляющих его концептосферу, и есть индивидуально-авторская картина мира, которая формируется на основе индивидуальной языковой и индивидуальной концептуальной картин мира.

Художественное произведение представляет собой отражение индивидуально-авторской картины мира, созданной писателем, который в своем восприятии действительности объекты и явления наделяет своим смыслом, включает в определенный контекст. Знаковая последовательность художественного текста в процессе литературного творчества приобретает многомерность, которая формирует художественный дискурс как пространство языковых знаков, насыщенных смыслом, связанных с концептуализацией альтернативной реальности.

В проблемном поле филологической науки XX-XXI века исследование языковой личности становится одним из приоритетных направлений, связанных с антропоцентрической парадигмой научных изысканий. Философская, научная, религиозная, мифологическая, образная картины мира становятся составляющими компонентами концептуальной картины мира. «Человек в языке – языковая личность – проявляется как в системе культурных концептов, так и в авторской концептуальной системе, большая часть которой совпадает с национальной концептуальной системой, определенные характеристики последней имеют диагностическую значимость для установления специфики национального характера» [Пименова 2011: 91].

Художественное произведение можно рассматривать как авторское отражение знаний о мире. По мнению Ю.Н. Караулова, языковая личность автора или читателя состоит из нескольких уровней: «лексикона» (вербально-семантического уровня), тезауруса («образа мира» данной личности) и прагматикона (системы личностных целей, мотивов и установок) [Караулов 2014:

171]. Таким образом, индивидуально-авторская языковая картина мира – это и отображение реальности через восприятие отдельной языковой личности, и мировидение языковой личности через отражение его в созданных художественных текстах. В нем наряду с универсальными общечеловеческими знаниями имеются уникальные представления. Концептуализация мира в художественном тексте, «с одной стороны, отражает универсальные законы мироустройства, с другой стороны, индивидуальные, порой, уникальные, воображаемые идеи» [Бабенко 2004: 35]. Изучение индивидуально-авторской картины мира предполагает исследование художественных концептов и анализ структурных компонентов, их образующих: мотивирующих, понятийных, функциональных, ценностно-оценочных, образных и символических признаков.

Результаты и обсуждение

Творчество М.А. Булгакова – уникальное явление в русской литературе XX века. Оно соединило в себе «открытую приверженность классическим образцам и удивительную новизну собственного слова» [Химич 2003: 8]. Л. Гинзбург писала о М.А. Булгакове, что «у классиков он учился, и в произведениях его можно встретить те же слова, но отношение между словами – другое» [Гинзбург 1987: 129]. Художественный метод этого писателя трудно определим: его творчество развивалось в 1920-е годы, когда в молодой советской русской литературе шли активные поиски новой художественной парадигмы. Очевидно, что такими понятиями, как «героический реализм», «монументальный реализм», «двигательный реализм», «романтический реализм» измененное в этот период определение реализма не исчерпывалось. Предложенные другие определения – «неореализм» (А. Воронский), «синтетизм» (Е. Замятин) – также не отражают полифоничности литературных поисков начала XX века. Творчество М.А. Булгакова принадлежит к тому направлению эстетической парадигмы, представители которого сомневались в истинности идеалов новой складывающейся действительности, с помощью языка условных форм А. Платонов, Л. Леонов, Ю. Олеша, Е. Замятин, а вместе с ними и М. Булгаков создавали двойственную альтернативную реальность, главной особенностью которой являются взаимосвязь и взаимопереходы реального и фантастического, формирующие авторскую концепцию мира.

По словам В. Химич, «суть художественного мышления и формирующегося на его основе образа мира состоит у [М.А. Булгакова] в “диалогическом способе искания истины” [Бахтин 1979: 126], сознательно и последовательно противопоставленном монологизму официально принятой литературы. Этим фундаментальным положением многое объясняется и в познавательной ориентации его метода, и в характере его оценочности, и в законах моделирования эстетической реальности» [Химич 2003: 10]. В этом заключается главная особенность индивидуально-авторской картины мира в творчестве М. Булгакова: для выражения собственного видения происходящего в стране писатель использует разные способы, в том числе и создание ирреального, альтернативного пространства.

Это пространство в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» прежде всего выстраивается семантическими компонентами образа Воланда. Произведение задумывалось как «роман о дьяволе», о чем свидетельствуют черновые наименования («Черный маг», «Консультант с копытом», «Великий канцлер», «Вот и я», «Шляпа с пером», «Черный богослов», «Подкова иностранца», «Копыто

консультанта», «Евангелие Воланда», «Князь тьмы» и др.) [Белобровцева, Кульюс 2007: 7]. Судя по перечисленным названиям, писателя больше всего интересовало имя героя, номинации которого в тексте романа многочисленны. Таким образом, можно говорить о концептуализации онима «Воланд» в пространстве художественного текста М. Булгакова.

Оним «Воланд» в романе М.А. Булгакова давно находится в центре внимания исследователей. Основная версия булгаковедов – интертекстуальная: считается, что имя своему герою М.А. Булгаков, взял из трагедии И.В. Гете «Фауст». И.Ф. Бэлза в своей статье «Генеалогия “Мастера и Маргариты”» [Бэлза 1978: 156–266] одним из первых устанавливает связь имени героя булгаковского романа с героем трагедии И. Гете: «...имя это взято Булгаковым из «Вальпургиевой ночи, из возгласа Мефистофеля: *Junker Voland kommt*» [Бэлза 1978: 187]. Впоследствии булгаковеды уточняли интертекстуальное происхождение онима «Воланд», развивая мысль И. Бэлзы. Б. Соколов, например, в своей работе «Михаил Булгаков: загадки творчества» пишет, что М. Булгакову был знаком прозаический перевод А. Соколовского, в котором эпизод трагедии «Фауст» представлен так: «Мефистофель. Вон куда тебя унесло! Вижу, что мне надо пустить в дело мои хозяйские права. Эй, вы! Место! Идет господин Воланд!» [Соколов]. То же самое пишет Л. Яновская [Яновская 1983: 271-272], уточняя, что в стихотворных переводах трагедии это фрагмент представлен без онима «Воланд» с использованием привычных нарицательных имен *дьявол, сам, сатана, черт*. Оним «Voland» в трагедии И. Гете игнорируется переводчиками также из-за слова «*junker*», которое имеет значение «молодой дворянин» – подобное определение плохо ассоциируется с образом Мефистофеля. Созвучным лексеме «*junker*» является «*die jungen*», которое имеет значение «молодой». Сочетание «*Die Junger Jesu*» (ученики Иисуса, апостолы) создает неожиданное ассоциативное звучание лексеме «*junker*» в трагедии И. Гете: Мефистофель-Воланд, таким образом, наиболее родственен Люциферу – падшему ангелу, когда-то знавшему свет. В этом контексте точка зрения Э. Мейера, автора книги «Иисус из Назарета», на которую ссылается А. Зеркалов, отличается от ортодоксального христианства в вопросе соотношения Бога и сатаны: «Фактически сатана есть властитель этого мира. Всемогущество божие, в сущности, ограничено царством Божиим (*civitas dei*): это – идеал, который никогда не может быть осуществлен при существующих условиях» [Зеркалов 2004: 56].

Е.П. Багирова приводит комментарий переводчика А. Соколовского, в котором уточняется семантика онима «Воланд»: «Воланд было одно из имен черта. Основное слово «*Faland*» (что значило обманщик, лукавый) употреблялось уже старинными писателями в смысле черта» [Багирова]. Е.П. Багирова замечает, что в 17-й главе романа Воланд и Фаланд звучат в толпе, которая вспоминает фамилию мага. Она же отмечает и связь онима «Воланд» с другими именованиями: «в нем слышны имя Вотана, и средневековые имена дьявола – Ваал, Велиал, и даже русское «дьявол»... Единственно, что сделал М.А. Булгаков, – заменил в этом имени букву «фау» (V) – на букву «дубль-ве» (W)» [Багирова].

Очевидно, что оним Воланд, использованный М.А. Булгаковым, реализует смыслы и значения, которыми наделяются онимы языческих божеств в разных культурах. Корень лексемы «Воланд» – это корень **vol-* / **vel-*, который представлен в имени одного из главных славянских божеств – Велеса (Волоса), скотского бога. А.Л. Баркова утверждает: «Имя «Велес» содержит индоевропейский

корень «vel/vr» со значением «мертвый»⁶. Этот корень у нас встречается в словах, связанных с магическими терминами... Это корень «власть», это «великий», «владеть» в пределах русского языка. За пределами русского языка – это понятие «певец», «сказитель», соответствующие ирландские термины. Русские понятия: «волшебник», «волхв», то есть круг магии, музыки и власти» [Баркова 2019: 322]. В рязанских говорах «велес»/ «велец» / «велитель» до нашего времени сохранились в ироничном значении «указчик, повелитель, распорядитель» [Словарь русских народных говоров 1969: 106]. («Ишь велес какой!»).

А.Е. Аникин пишет, что онимы «Велес» и «Волос» различны: «Велесь не употребляется в летописи и не сопровождается определением «скотий бог». Возможно, что Перун был богом князя и дружины и обитателем скал и возвышенностей, а Волос богом остальной Руси, приуроченным к низинам; мифологически он выступал как противник громовержца» [Аникин 2014: 170]. Отмечается еще одно отличие теонимов «Велес» и «Волос»: последний, по мнению автора словаря, был распространен среди восточных славян. Согласно М. Фасмеру, Велесь более древний вариант теонима, близкий лит. *vėlnias* (черт), лтш. *velns* и т. п.

В романе М.А. Булгакова Воланд только внешне напоминает гетевского черта: имя героя, взятое из эпизода «Вальпургиева ночь», национальность немец (в русском языке «немец» имеет широкое значение и обозначает любого чужака, не говорящего по-русски). На семантику «незнакомец», «чужой» указывает и корень рассматриваемого онима *vol, родственным которому является теоним Велес. Согласно словарю Н.В. Горяева, слово «волох» от дрвнм. *Walh, walch, walah* (чужой): «Германцы так называли своих соседей, кельтов и римлян, потом романские народы» [Горяев 1896: 54].

На дьявольское происхождение Воланда указывают отдельные детали (хромота, набалдашник трости в виде головы пуделя), однако Мефистофель И. Гете все же ближе христианским традициям восприятия нечистой силы. Воланд М.А. Булгакова только выступает в маске дьявола: «какой он дьявол? У него нравственные понятия нормальные, он же не Варенуха, не Лиходеев – вот кто дьяволы-то, а он нормальный. Это только маски» [Мень]. В романе «Мастер и Маргарита» нет противопоставления Бог – Дьявол, так как, по верному замечанию Г.А. Лескисса и К.Н. Атаровой, «Воланд не соответствует каноническому представлению о дьяволе в христианской традиции» [Лескисс, Атарова 2021: 93]. Герой булгаковского романа заявляет, что «каждое ведомство должно заниматься своими делами» [Булгаков 2012: 298]: это утверждение раскрывает авторский замысел о том, что волей Бога функции Га-Ноцири и Воланда разделены. Это разделение во многом может быть продиктовано близостью образа Воланда назначению древнего славянского языческого бога – Велеса, противостоящего Перуну и отвечающего за загробный мир.

Культ Велеса древнейший и общеславянский, он не только покровитель животных (с принятием Христианства на Руси функции Велеса перешли к св. Власию – *Vlasijem, Blaisem*, босн. *Vlahom, Blažom*; чеш. *Eliášem*), но и защитник

⁶ О хтоническом характере мифологического персонажа говорит сочетание ФР в начале имени: Фуррина\Фурналия (этрусская богиня, которая отождествлялась с Фуриями или Эвменидами); адский демон Ферсу, хтоническая богиня Феррония и т.д. [Наговицын 2000: 296]

сельского хозяйства в целом: древние славяне оставляли несжатыми несколько колосьев («волооти»), эта жертва называлась «Волосовой бородкой». Велес – природный бог, он связан с не только с лугами, скотиной и водами, но в целом – с богатством и золотом. В романе М.А. Булгакова проделки свиты Воланда реализуют эту функцию языческого бога в эпизоде представления в Варьете, когда москвичей искушают деньгами, модными нарядами; в главе 15 «Сон Никанора Ивановича» председатель жилищного товарищества страдает от валюты, выданной ему в квартире 50.

Воланд наказывает москвичей болезнями так же, как Велес, согласно верованиям древних славян, наказывает хворями: поэт Иван Бездомный оказался в психиатрической лечебнице, буфетчику Варьете свита Воланда предсказывает смерть от рака печени.

Пребывание Воланда в Москве связано с розыгрышами и проказами его помощников. Иван Бездомный долго блуждает по Москве в поисках иностранца, убившего Берлиоза; милиция не может напасть на след преступной шайки. Все это реализует еще одно значение языческого божества – леший, проказник. По мнению Б.А. Рыбакова, Велес [Рыбаков 2013: 135] в славянской культуре часто отождествляется с образом лешего, путающего следы, лесного проказника («блázень»/«простофиля», «проказник», «шутник» (укр., польск., чеш., луж. «шут», «дурак»; ст.-слав. «блaзнъ»/«ошибка», «блaзнити»/«искушать», «сердить»; рус. «блaзнить»; болг. «блáзня»/«искушаю», «соблазняю»; сербохорв. «блáзнити»/«лстить», «ласкать», «гладить»; словен. «blázniiti»/«приводить в смущение, беспорядок», чеш. «дурачить»; польск. «błaznić»/«дурачить», «сбивать с толку»; ср.: др.-верхн.-нем. «blāsan»/«дуть»; лат. «flāre»/«дуть», flēmina «нарыв», греч. «φλήναφος»/«болтовня»).

Наговицын А.Е. [Наговицын 2000: 93] признает, что оним Велес исторически сближается с этрусским именем Вёлханса (Вулкана)⁷ – покровителя загробного мира, скота, мудрости, музыки, танцев, строителя каменных мостов и водных плотин. Этот бог в Этрурии был богом подземного разрушительного огня, считался царем центра земли. Его культ был связан с кровавыми жертвоприношениями, праздник Вёлханса отмечался этрусками 1 мая. Этот день был священным и в Древнем Риме, в котором чествовали этрусских богов. Впоследствии средневековая традиция 1 мая связала с днем нечистой, хтонической силы, приурочив к нему Вальпургиеву ночь.⁸ В романе М.А. Булгакова бал у Воланда приходится на другую майскую дату: романное время и историческое не совпадают. Это связывают с тем, что в потустороннем мире время течет иначе, оно может быть остановлено: символом остановленного времени в романе являются разбитые часы Маргариты, улетающей на бал, и часы, разбитые выстрелом Бегемота.

⁷ ... имя бога vel в 39-й ячейке. Е. Физель считает, что vel – это сокращенный velhans, velcanus, который был, по мнению Джильели, богом природы подземного мира. Очевидно, что этот бог напоминает Вулкана – Гефеста, бога подземного огня. По этимологии имени он близок и славянскому подземному богу Велесу [Наговицын 2000: 243]

⁸ В Риме и этрусском городе Фалерий существовал праздник, проводившийся 19 марта – Quinquartis, который совпадает с весенним равноденствием... Праздник мог связываться с пробуждением природы, а по аналогии с греческими мифами – выходом Прозерпины из подземного царства. ... на Руси в это же время проходил праздник пробуждения медведя, одной из ипостасей подземного бога Велеса [Наговицын 2000: 267].

Мифоним Воланд реализует функции другого этрусского бога – Вольтумна, который считался покровителем всего народа,⁹ первоначально был богом подземного царства мертвых в городе Волсинии и связан с природным годовым циклом смен времен года. Впоследствии и у этрусков, и у римлян Вольтумн (Вертумнус\Вертун) стал богом времени, которому были посвящены римские Вертумналии. Бог считался покровителем сельскохозяйственных работ и садов (срб. врт- сад, словен. vert, рус. вертоград), был покровителем не только смены времен года, но и смены событий: войны и мира, горя и радости, испытаний и спокойствия и др. Теоним «Вольтумн» реализует значения латинского глагола «volvo», «volvi», «volutum» («катать, катить», «скатывать», «поворачивать», «кружить, крутить» и др.) [Дворецкий 1976: 1092]. Появление Воланда в Москве сложно датировать, это связано с тем, что М.А. Булгаков по мере работы над романом сознательно убирал однозначную привязку к событиям своего времени. Однако есть мнение [Соколов], что действие романа приходится на 1929 год – год Великого перелома в советской стране.

Воланд сближается с хтоническими языческими божествами европейских и славянских народов. Например, с этрусским богом – покровителем подземного царства Вейовисом (Ведиовис, Ведий). Он, в отличие от Аита (бога загробного мира), бог хтонических сил. В Этрурии Вейовис изображался со стрелами в руке. Громовые стрелы в мифологии этрусков – знак верховного божества. В античной культуре этим стрелами владеет только Зевс/Юпитер, в славянской – Перун/Перкунас. В имени бога Вейовиса\Ведиовиса\Ведия частица ve- означает отрицание [Ноговицын 2000: 413], а корень «diovis» (бог). Таким образом, значение онима – «антибог», «не-бог»: Вейовис противопоставляется богу Юпитеру.

Это противопоставление подтверждается тем, что в древнеславянской мифологии противником Перуна был повелитель низин и загробного мира, бог власти и богатства – *Velunь¹⁰, который в славянской культуре известен как Велес. О.Н. Трубачев утверждает, что имя *Veles вторично по отношению к *Velunь из-за табуирования в древней традиции имени бога. Р. Якобсон сравнивает имя древнеиндийского бога Varuna veles – «духи умерших», velnias «черт», Veliuona «богиня духов предков» и, наконец, с др.-рус. Велесь. Вместе с тем в славянских языках родственные слова от *val / *vel (инд-евр. корень *uelu-n-) так или иначе связаны с древними представлениями о потустороннем мире, который воспринимался как поле, луг, равнина, иногда холм. Отдельные топонимы, как реальные, так и мифологические сохраняют эту семантику: Авалон, Волынь, Уэльс, Овал и др. У древних славян сакральными считались валуны, стоящие среди воды. Такими валунами были Синь-Камень над Плещеевым озером, валун «Дед» в Минске на берегу Свисловчи. В фольклоре упоминание о Алатырь-камне (бел-горюч камне) также связано с образом священного валуна. В романе М.А. Булгакова владения

⁹ Этрусский бог, покровитель всего народа; славнейший из его храмов был в Вольсинии, куда ежегодно собирались старшины всех трех союзов (на По, Арно и Гарильяно) для обсуждения общенародных дел. Культ В. сохранялся почти до времен Юлия Цезаря [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона].

¹⁰ Праславянское *Velunь имеет индоевропейскую проформу *uelu-n-, и родственно хеттск. uellu – «пастбище, луг (умерших), потусторонний мир древних, в виде поля, луга, равнины, тохар. Awalu – «мёртвый», лувийск. ulant – «мёртвый», исл. valholl – «вальхалла», литов. vėlė – «душа умершего», velines, лат. velu laiks – день поминовения умерших [Трубачев].

Воланда наделены отмеченными выше деталями: «Так летели в молчании долго, пока и сама местность внизу не стала меняться. Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек. Внизу появились и стали отблескивать валуны, а между ними зачернели провалы, в которые не проникал свет луны» [Булгаков 2012: 399].

Родственными теонимами и мифонимами с корнем *ue1 ониму «Воланд» можно считать Пвилла (древнее кельтское божество), Вельзевула (бесовского князя, князя мух), Ваала (Баала) (бога языческих семитов). Легенда «Пвилл, князь Дифеда» [Кельтская мифология: 129] возникла на юго-западе Уэльса, который бритты называли Дифедом, неведомой и загадочной страной. Дословно в древних книгах ее название означало «Земля Иллюзий», «Край очарования». Пвилл, герой легенды, в наказание занял на один год место Аравна, короля Аннвна – загробного царства. Культ Баала/ Ваала среди языческих семитов Палестины, Финикии и Сирии был связан с поклонением природе и проявлялся в «разнузданном сладострастии» [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона]. С установлением христианства Ваал, как и все языческие боги, был объявлен демоном и сатаной. От теонима Ваал происходит вельзевул: «"дьявол", др.-русс., ст.-слав. вельзевуль, ст.-слав. вельзѡль (Euch. Sin.) из греч. αελλεβούλ» [Этимологический словарь русского языка 1910–1914: 71].

Культ бога подземного царства, а также природы, растительности и покровителя сельскохозяйственных работ в древних представлениях противопоставлен культу бога-кузнеца, который в мифологической системе разных народов оформился примерно к IV тыс. до н.э. Мифы о Небесном кузнеце есть у разных народов, наиболее известные из них об античном боге Вулкане. На территории древней Германии и Англии о культуре Вэйланда (Wayland; др.-англ. Веланда (Weland) или Ваеланда (Waeland) свидетельствует древний памятник – «Воланда кузница» (Waylands Smithy) – предположительно вход в подземную мастерскую бога, где были выкованы легендарные мечи, в том числе меч Робина – Альбион и меч короля Артура – Эскалибур. Мифы о боге-кузнеце Веладу (Weladu)¹¹ отразились в различных письменных памятниках средневековья, в частности в англосаксонской эпической поэме «Беовульф», в которой говорится о том, что Веладу выковал кольчугу Беовульфу. В древнескандинавской «Песне о Вёлунде» (Völundr) рассказывается о мести кузнеца королю Нидхаду, который взял Вёлунда в плен, подрезал ему подколенные сухожилия, однако кузнец сбежал с помощью выкованных крыльев.

Согласно древним представлениям, кузнец обладает магией огня, он может не только сковать судьбу и счастье, но и наказать. В представлении древних народов кузнец близок искусству, творчеству: он может выковать песню или голос. В «Младшей Эдде» бог Один (Вотан, Водан) назван «кузнецом песен». Рассмотрим подробнее актуализацию значений теонима «Вотан» и их связи с онимом «Воланд» в романе М.А. Булгакова. Известно более пятидесяти имен скандинавского бога Один, протогерманское Вотан\Водан (Wodanaz) означает «яростный», «неистовый», «безумный». Главные мифы о Водане характеризуют его как бога войны. В романе М.А. Булгакова Воланд управляет Абадонной – демоном войны, который убивает барона Майгеля на балу. Имя Абадонны впервые появляется в

¹¹ В разных языках его имя пишется: Wielland / Welund, Weyland, Völundr / Vølund / Vølundr, Velent, Wieland, Wiolant.

эпизоде с глобусом, который рассматривают Воланд и Маргарита: «Вот, например, видите этот кусок земли, бок которого моет океан? Смотрите, вот он наливается огнем. Там началась война. Если вы приблизите глаза, вы увидите и детали» [Булгаков 2012: 270]. С Воданом Воланда сближает интерес к роману мастера. Известно, что Один – покровитель поэтов. Герой булгаковского романа знакомится с сожженным сочинением мастера, чудесным образом восстанавливая его: «Простите, не поверю, – ответил Воланд, – этого быть не может. Рукописи не горят. – Он повернулся к Бегемоту и сказал: – Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман» [Булгаков 2012: 301]. Колдовская природа Воланда – это еще одна ипостась Вотана: герой романа «Мастер и Маргарита» обладает волшебной силой предсказывать будущее, воскрешать, вызывать из небытия: «Она кинулась к Воланду и восхищенно добавила: – Всесилен, всесилен! [Булгаков 2012: 301]; «Ничто не исчезало, всеильный Воланд был действительно всеилен, и сколько угодно, хотя бы до самого рассвета, могла Маргарита шелестеть листьями тетрадей, разглядывать их и целовать и перечитывать слова» [Булгаков 2012: 310]. Со скандинавским языческим богом Воланда сближают и некоторые внешние детали: у Вотана нет одного глаза, который он отдал за доступ к источнику Мимира и за это обрел мудрость: у Воланда, в свою очередь, разные глаза («По виду – лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец» [Булгаков 2012: 15]). Поскольку Один владеет обрядом сейд, его образ наделен женоподобной, с точки зрения скандинавов, деталью: длиннополой одеждой синего цвета. Перед балом и во время него в романе М.А. Булгакова Воланд одет только в длинную ночную рубашку. Страсть Вотана к путешествиям реализуется в образе Воланда как путешественнике-иностранце.

Таким образом, мифолого-символические признаки онима «Воланд», представленные в историко-этимологических словарях и энциклопедиях, определяются значением корня «*vol-», делающим родственными мифонимы, обозначающими различных языческих божеств в разных европейских культурах. Формант «-анд» в слове «Воланд» может быть соотнесен с традиционным суффиксом «-ант» в заимствованных существительных мужского рода [Исторический словарь галлицизмов русского языка]. В норвежском языке *den ond* имеет значение «сатана, дьявол», а формант «*ånd*» в сочетании «*den onde ånd*» – «сатана, дьявол, злой дух» [Норвежско-русский словарь]. Левий Матвей в романе М.А. Булгакова прямо называет Воланда «дух зла»: «Я к тебе, дух зла и повелитель теней, – ответил вошедший, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда» [Булгаков 2012: 378].

При этом, если этимологически соотносить оним «Воланд» с праславянским именем *Velunъ (бог низин), то формант «-un», позволяющий соотносить богов *Perun-*Velunъ, по мнению О.Н. Трубочева, указывает на принадлежность миру духов и богов, обитающих либо на вершинах гор, либо в пещерах и низинах. Формант «-анд» в составе слова «Воланд» может указывать на принадлежность потустороннему пространству\миру. Вероятность такого сближения подтверждает одно из написаний онима, представленное в словарях – *Volland* [Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache]. Формант «-land» в таком варианте написания лексемы может рассматриваться в значениях «страна, государство», «земля, угодье, почва», «область, сторона край» (нем.); «земля, суша, почва», «страна»,

«территория, край» (англ.) и связывать оним с пространственными признаками концепта.

Заключение

Мифоним «Воланд» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» реализует не столько христианские, сколько языческие представления о власти потустороннего. Корень *vol в лексеме «Воланд» формирует ряд концептуальных блоков, семантика которых представлена в романе:

1) Воланд – это представитель потустороннего мира, мира мертвых, загробного царства. Он противопоставлен Иешуа Га-Ноцри, но не является его противником. Функции Воланда и Иешуа в романе разделены так же, как в язычестве разделены функции верховного божества и божества загробного царства;

2) в ониме «Воланд» реализуются христианские представления о силах зла и их носителях (черт, сатана, дьявол). Эти значения реализованы не только корнем *vol, но и формантом «*and», одно из значений которого в скандинавском языке «злой дух»;

3) оним «Воланд» родственен другим мифонимам с индоевропейскими корнями *ual(*uel) – Велес (Волос), Вёлханс, Вейлунд, Вулкан, Вольгумн и др. Языческие божества сельскохозяйственного культа символизировали смену времен года, смену событий, движение мира. В романе М.А. Булгакова появление Воланда в Москве в 1929 год – авторская метафора года Великого перелома;

4) языческие божества, родственные ониму «Воланд», помимо хтонического, реализуют космогоническое начало и являются покровителями поэтов, художников. Воланд в романе «Мастер и Маргарита» спасает роман о Понтии Пилате и его создателя;

5) странничество Воланда и его роль немецкого путешественника и профессора являются ипостасью скандинавского бога Вотана (Одина), который любил тайно бродить среди людей и отличался мудростью.

Литература

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь Вып. 8 Москва: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014. 367 с.

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. Москва, Екатеринбург: Акад. проект, Деловая кн., 2004. 206 с.

Багирова Е.П. Эволюция антропонимикона в текстах разных редакций романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». [Электронный ресурс]. URL: <http://m-bulgakov.ru/publikacii/evolyuciya-antropnimikona-v-tekstah-raznih-redakciy-romana-bulgakova-master-i-margarita> (режим доступа: 20.07.2023)

Баркова А.Л. Мировая мифология. Москва: РИПОЛ классик, 2019. 528 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Ф. Достоевского. Москва: Сов. Россия. 1979. 318 с.

Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. Москва: Книжный клуб 36.6, 2007. 496 с.

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. Москва: АСТ: Полиграфиздат; СПб.: Астрель-СПб, 2012. 414 с.

Бэлза И.Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст – 1978. Литературно-теоретические исследования. Москва: Наука, 1978. С. 156–266.

Габдуллина С.Р. Концепт ДОМ-РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2003. 264 с.

Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. Ленинград: Советский писатель. 1987. 400 с.

Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис. Типография канц. Главнонач. гр. ч. на Кавказе, Лорисъ-Мелик. у., домъ каз. 1896. 451 с.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Москва: Издательство «Русский язык», 1976. 1096 с.

Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. Москва: Текст, 2004. 239 с.

Исторический словарь галлицизмов русского языка. Москва: Словарное издательство ЭТС. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm. (режим доступа: 20.07.2023).

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Едиториал УРСС, 2014. 263 с.

Кельтская мифология. Энциклопедия. Мифы. Верования. Легенды. Божества. Герои / Пер. с англ. С. Головой и А. Голова. Москва: Эксмо. 2002 – 312 с.

Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1999. № 5-6. С. 3–12.

Лескисс Г.А., Атарова К.Н. Москва – Ерашалаим: Путеводитель по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Москва: Б.С.Г.-Пресс. 2021. 576 с.

Манукян Г.В. Концепт КРАСОТА (на материале произведений Ф.М. Достоевского): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Мытищи, 2021. 187 с.

Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. Москва: Флинта; Наука, 2016. 180 с.

Мень А. Отец Александр Мень отвечает на вопросы...[Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/72312-otec-aleksandr-men-otvechaet-na-voprosy-slushateley/> (режим доступа: 30.07.2023)

Наговицын А.Е. Этруски. Мифология и религия. Москва: Рефл-бук. 2000. 496 с.

Норвежско-русский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru/den%20onde/no/ru/> (режим доступа: 30.07.2023)

Пименова М.В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 13–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22;

Пименова М.В. Методика анализа и теоретические установки кемеровской школы концептуальных исследований // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2013. Вип. 18. С. 50–59.;

Пименова М.В. Сфера внутреннего мира человека: концептуальные исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2004. № 3. С. 3–10.

Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 127–131

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. 262 с.

Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. 106 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Москва: Академический проект, 2013. 640 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Ленинград: Изд-во Наука, ленинградское отделение, 1969. 357 с.

Соколов Б. Кто такой Воланд? // Михаил Булгаков. Загадки творчества. [Электронный ресурс]. URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/kritika/sokolov-zagadki-tvorchestva/kto-takoj-voland.htm> (режим доступа: 30.07.2023)

Соколов Б. Расшифрованный Булгаков. [Электронный ресурс]. URL: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/emru006_sokolov.pdf (режим доступа: 30.07.2023)

Трубачев О.Н. К истокам Руси. Народ и язык. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-sled.ru/povelitel-nizin-i-zagrobno-mira-PMFMN-veladu/> (режим доступа: 30.07.2023)

Химич В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та 2003. 336 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Спб.: Брокгауз-Эфрон. 1980-1907. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/18330/Ваал (режим доступа: 30.07.2023)

Этимологический словарь русского языка. А.О. / Сост. А. Преображенский. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1910-1914. Том 1. 674 с.

Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. Москва: Советский писатель. 1983. 318 с.

Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache. [Электронный ресурс]. URL: <https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/411871> (режим доступа: 20.07.2023).

References

Anikin A.E. Russian Etymological Dictionary Vyp. 8 Moscow, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, RAS; Institute of Philology, Siberian Branch of RAS Publ. 2014. Vinogradov RAS; Institute of Philology, Siberian Branch of RAS, 2014. 367 p. (In Russian).

Babenko L. G. Philological analysis of the Text. Fundamentals of Theory, Principles and Aspects of Analysis : a Textbook for Universities. Moscow, Ekaterinburg: Acad. project, Business Book Publ. 2004. 206 p. (In Russian).

Bagirova E.P. Evolution of Anthroponymy in the Texts of Different Editions of M.A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita". [Electronic resource] URL: <http://m-bulgakov.ru/publikacii/evolyuciya-antropnimikona-v-tekstah-raznih->

redakciy-romana-bulgakova-master-i-margarita (access mode: 20.07.2023) (In Russian).

Barkova A.L. World Mythology. M.: RIPOL classic, 2019. 528 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. Problems of the Poetics of F. Dostoevsky. Moscow: Sov. Russia Publ. 1979. 318 p. (In Russian).

Belobrovtsseva I., Kulius S., M. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita". Commentary. Moscow, Book Club 36.6 Publ. 2007. 496 p. (In Russian).

Bulgakov M.A. Master and Margarita: a Novel. Moscow: AST: Polygraphizdat; St. Petersburg: Astrel-SPb Publ. 2012. 414 p. (In Russian).

Belza I.F. Genealogy of "The Master and Margarita" // Context - 1978. Literary-theoretical studies. Moscow, Nauka Publ. 1978. Pp. 156–266. (In Russian).

Gabdullina S.R. Concept DOMA-RODINA and its Verbal Embodiment in the Individual Style of M. Tsvetaeva and Poetry of the Russian Abroad of the First Wave: Cand. ... candidate of philological sciences: 10.02.01. Moscow, 2003. 264 p. (In Russian).

Ginzburg L.Ya. Literature in Search of Reality. Leningrad, Soviet Writer Publ. 1987. 400 p. (In Russian).

Goryaev N.V. Comparative Etymological Dictionary of the Russian Language. Tiflis. Tipografiya kants. Glavnonach. gr. ch. in the Caucasus, Loris-Melik. u., kaz's house Publ. 1896. 451 p. (In Russian).

Dvoretzky I.H. Latin-Russian Dictionary. Moscow: Russian Language Publishing House Publ. 1976. 1096 p. (In Russian).

Zerkalov A. Mikhail Bulgakov's Ethics. Moscow: Text Publ. 2004. 239 p. (In Russian).

Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language. M.: Dictionary publishing house ETS [Electronic resource] URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm. (access mode: 20.07.2023) (In Russian).

Karaulov Y.N. Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: Unitorial Urss Publ. 2014. 263 p. (In Russian).

Celtic Mythology. Encyclopaedia. Myths. Beliefs. Legends. Deities. Heroes / Per. from Engl. S. Golovoy and A. Golov. Moscow, Eksmo Publ. 2002. 312 p. (In Russian).

Kubryakova E. C. Semantics in Cognitive Linguistics (on the Concept of Container and Forms of its Objectivation in Language) // Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. Series of literature and language. 1999. № 5-6. Pp. 3–12. (In Russian).

Leskiss G.A., Atarova K.N. Moscow - Yerashalayim: A Guide to M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". Moscow, B.S.G.-Press Publ. 2021. 576 p. (In Russian).

Manukyan G.V. Concept BEAUTY (on the Material of F.M. Dostoevsky's Works): Cand. ... candidate of philological sciences: 10.02.01. Mytishchi, 2021. 187 p. (In Russian).

Maslova V. A., Pimenova M. V. Codes of Linguoculture. Moscow: Flinta; Nauka Publ. 2016. 180 p. (In Russian).

Men A. Father Alexander Men Answers Questions...[Electronic resource] URL: <https://predanie.ru/book/72312-otec-aleksandr-men-otvechaet-na-voprosy-slushateley/> (access mode: 30.07.2023) (In Russian).

Nagovitsyn A.E. Etruscans. Mythology and Religion. Moscow: Refl-book Publ. 2000. 496 p. (In Russian).

Norwegian-Russian Dictionary. [Electronic resource] URL: <https://translate.academic.ru/den%20onde/no/ru/> (access mode: 30.07.2023) (In Russian).

Pimenova M. V. Conceptology at the Present Stage (Ways of Researching Conceptual Structures) // Humanitarian vector. 2017. Т. 12. № 5. Pp. 13–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22. (In Russian).

Pimenova M. V. Methodology of Analysis and Theoretical Settings of the Kemerovo School of Conceptual Studies // Naukovy visnik Kherson State University. Seriya "Linguistics". 2013. Vin. 18. Pp. 50–59. (In Russian).

Pimenova M. V. Sphere of the Inner World of a Person: Conceptual Studies // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitet. 2004. № 3. Pp. 3–10. (In Russian).

Pimenova M. V. Types of concepts and stages of conceptual research // Bulletin of Kemerovo State University. 2013. № 2-2. Pp. 127–131 (In Russian).

Pimenova M. V. Ethnohermeneutics of linguistic naive picture of the inner world of man. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; Landau: Verlag Empirische Pädagogik Publ. 1999. 262 p. (In Russian).

Pimenova M.V. Linguistic picture of the world: textbook. Sankt-Petersburg, Pb: SPbSU Publ. 2011. 106 p. (In Russian).

Rybakov B.A. Paganism of the Ancient Slavs. Moscow, Academic Project. 2013. 640 p. (In Russian).

Dictionary of Russian Folk Govoras. Vyp. 4. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Language. Vocabulary sector. Leningrad, Izd-vo Nauka, Leningrad Branch Publ. 1969. 357 p. (In Russian).

Sokolov B. Who is Voland? // Mikhail Bulgakov. Enigmas of Creativity [Electronic resource] URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/kr.> (access mode: 30.07.2023) (In Russian).

Sokolov B. Decoded Bulgakov. [Electronic resource] URL: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/emru006_sokolov.pdf (access mode: 30.07.2023) (In Russian).

Trubachev O.N. K Iskami Rusi [Towards the origins of Russia]. People and language. [Electronic resource] URL: <http://ru-sled.ru/povelitel-nizin-i-zagrobno-gomira-PMIFMN-veladu/> (access mode: 30.07.2023) (In Russian).

Khimich V. In the world of Mikhail Bulgakov. Ekaterinburg: Izd vo Ural. Unta Publ. 2003. 336 p. (In Russian).

Encyclopaedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron. Sankt-Peterburg, Brockhaus-Efron. 1980-1907 [Electronic resource] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/18330/Baал (access mode: 30.07.2023) (In Russian).

Etymological dictionary of the Russian language. A.O. / Comp. A. Preobrazhensky. Moscow: Typography of G. Lissner and D. Sovko Publ. 1910-1914. Vol. 1. 674 p. (In Russian).

Yanovskaya L. The Creative Way of Mikhail Bulgakov. Moscow: Soviet Writer Publ. 1983. 318 p. (In Russian).

Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache [Electronic resource] URL: <https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/411871> (access mode: 20.07.2023).

Сведения об авторе:

Казорина Анна Владимировна

Доцент кафедры филологии и методики Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат филологических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

E-mail: anna-kazorina@mail.ru

Bionotes:

Kazorina Anna Vladimirovna

Associate Professor of the Department of Philology and Methodology of the Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Irkutsk State University", Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

E-mail: anna-kazorina@mail.ru

Для цитирования:

Казорина А.В. Мифолого-символические признаки концепта «Воланд» в индивидуально-авторской картине мира М.А. Булгакова // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1(5). 2023. С. 116–131.

For citation:

Kazorina A.V. Mythological and Symbolic Signs of the Concept "Woland" in M.A. Bulgakov's Individual-author's Picture of the World // // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1(5). 2023. Pp. 116–131.